

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК: 81'23, 81'27, 81'33

Научная статья

ББК: 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

МЕЗОАНАЛИЗ КОНЦЕПТА *ОБЩЕНИЕ* И ОЦЕНОЧНЫХ АССОЦИАТИВНЫХ ДОМИНАНТ

Кузьмина Мария Александровна

Институт филологии СО РАН,

Новосибирск, Россия

Аннотация

В данной статье намечены перспективы развития аксиологического направления психолингвистики в сторону междисциплинарного взаимодействия с концептологическим подходом. Показано, что доминирующие оценочные смыслы, вербализованные в ассоциативных парах «стимул – реакция», обнаруживают ценностное содержание с помощью метода концептологического анализа, синергетически согласуемого с методом ассоциативно-вербальной сети (на примере ассоциативных полей *хорошо/плохо* и концепта *общение*). Лингвоспецифический концепт *общение* является принципом организации культурно-специфических ценностных смыслов, источником которых являются ассоциативные связи оценочных доминант. Методологическое значение такой интерпретации концепта – в его смысловой насыщенности, для которой характерна, с одной стороны, динамика, а с другой – обеспечение исторической преемственности заключённых в нём «квантов» смысла, имеющей фиксируемую в письменных источниках вербальную традицию. Реконструируемая таким образом ценностная смысловая структура является одновременно и принципом организации реальности, и феноменологией реальности, единицы которой вербализованы как ассоциативные пары.

Ключевые слова: аксиологическая психолингвистика, концептология, междисциплинарность, мезоуровень, общение, оценочные ассоциативные доминанты

¹ Подробнее об ассоциативных словарях см., например, [Гольдин, Сдобнова 2008]. В данной статье анализируются данные из словарей [РАС] и [СИБАС].

Введение

Многолетние психологические исследования выявили, что семантические связи, фиксируемые в работе сознания носителя языка, имеют ассоциативную природу [Лурия 2003]. Данные ассоциативных словарей¹ свидетельствуют о наличии таких ассоциативных полей (далее – АП), которые имеют наиболее разветвлённую сетевую структуру, свидетельствующую о доминировании данных ассоциативных связей в сознании носителей языка [Караулов 2000]. Такие поля названы ассоциативными доминантами, и они входят в «ядро языкового сознания» носителей языка. Среди ассоциативных доминант внимание исследователей часто привлекают оценочные доминанты – поля *хорошо/плохо*, – исследование которых позволяет приблизиться к пониманию тех явлений объективной реальности, которые становятся предметом субъективной оценки.

Круг проблем, связанных с изучением оценочных ассоциативных доминант, касается вопросов об отношениях между терминами *ценность* и *оценка*, о смешении эмоции и оценки (см. подробнее [Стернин, Просовецкий 2018]) и др. аспектов, осветить которые не позволяет объём данной статьи. Однако мы попробуем рассмотреть ключевой для названных проблем вопрос – о статусе психолингвистических единиц с оценочной семантикой. Возможности междисциплинарного исследования, которое мы считаем перспективным для разработки аксиологического направления психолингвистики, показаны в данной статье на примере оценочных доминант и концепта *общение*, который вводится как лингвоспецифический концепт, структурирующий ассоциативный материал.

Методология задаёт границы предметности, поскольку «метод оперирует готовыми понятиями, выработанными на основе... образов действительности» [Колесов 2019: 33]. Поскольку единицы языкового сознания относятся к «стыковым», междисциплинарным научным объектам, не поддающимся дискретному описанию², психолингвистика активно заимствует описательные конструкции из других наук, в частности, в исследованиях ассоциаций закрепились такие удачные «термины континуальности», как *поле* и *сеть* (см. [Эйнштейн 2005]). В статье предлагается дополнить арсенал психолингвистических инструментов, наряду с терминами *поле* и *сеть*, такими общенаучными принципами, как *закон доминанты* и представление о *мезоуровне*³. Возможности данных принципов применительно к задачам

² К таким единицам относятся, например, эмоции [Стернин, Просовецкий 2018].

³ Подробнее о понятии «мезоуровень» см. [Кирдина-Чэндлер, Круглова 2019], [Кузьмина 2020], [Кузьмина 2021].

данного исследования рассмотрены нами в разделе о методологических основаниях.

Как отмечает И.В. Шапошникова, методологическая роль ассоциативных доминант «заключается в том, что они, с одной стороны, служат материалом и средством для познания того, как именно входит конкретная вербальная этническая культура в ребенка и, с другой стороны, каким образом он сам вживляется в нее, “опрокидывая” ее системно-функциональные отношения внутрь себя и наполняя свою концептуальную модель мира этим содержанием» [Шапошникова 2019: 160]. Поскольку ассоциативные доминанты несут информацию о культурных и языковых паттернах носителя языка, нам представляется закономерным обратиться к глубоко разработанной идее *концепта*. На наш взгляд, именно совмещение концептологических и психолингвистических методов анализа позволит интерпретировать ассоциативные данные (поля оценочных доминант) в ценностном ключе.

В качестве лингвоспецифического концепта, способного «выловить» ценностные смыслы в полях оценочных доминант, мы выбрали концепт *общение*. Как «ключевая идея русской картины мира», *общение* неоднократно попадало в фокус исследований, посвящённых сознанию ([Акопов, Шейнин, Савицкий 2014; Бодалев 2009] и мн. др.). *Общение* как предмет лингвокультурологического анализа фигурирует в исследованиях наряду с *коммуникацией*. В разделе «*Общение* как лингвоспецифичный концепт» представлена попытка обоснования целесообразности изучения концепта *общение* – как характерной именно для русской лингвокультуры «коммуникативной категории» (И.А. Стернин).

При исследовании специфичных явлений *русского* сознания нам представляется важным по возможности выбирать такие методы, которые сами будут являться порождением этого сознания. По точному наблюдению В.В. Колесова, большинство специалистов по когнитивной лингвистике черпают идеи и методы в трудах западных авторов. «Эти труды пропитаны не свойственной нашему сознанию ориентацией на номинализм, что отчасти искажает общую картину предпринимаемых изысканий в области русской ментальности. Нарушается требование соответствия объекта методу» [Колесов 2019: 8]. В данной статье представлена попытка интерпретировать результаты ассоциативных экспериментов в рамках концепции, соответствующей формам русской ментальности. Основные теоретические обоснования этой попытки содержатся в разделе «Концептологический подход к *общению*», а результаты его практического применения представлены в заключительном разделе «Категории причинности концепта *общение* в ассоциативном поле оценочных доминант».

Методологические основания

Сознание понимается как отношение [Уфимцева 2011: 215] «внутреннего» к «внешнему» – индивидуальной картины мира к внешней реальности. Научное познание деятельности сознания, следовательно, является познанием связей и отношений, т.е. таких единиц, которые связывают уровни познания (и самопознания) в единую саморазвивающуюся систему. Термин «языковое сознание» не уточняет, а, наоборот, усложняет исследовательскую задачу: необходимо понять не только то, как феноменологическая реальность интерпретируется мозгом, но и как вербализуются интериоризированные сознанием смыслы. Языковое сознание – саморазвивающаяся система связей и отношений между разноуровневыми единицами; языковому сознанию свойственны одновременно динамика и устойчивость.

Познание сложных саморазвивающихся систем не обходится без поиска изоморфизма как следствия общих свойств систем разной природы. Изоморфизм в теоретическом моделировании – это «средство обоснования правомерности переноса знаний, полученных при изучении одной изоморфной системы на другую» [Василькова 1999: 63]. Взаимосвязанность наук всё более усиливается, что порождает множество терминологических заимствований в тех случаях, когда нужно описать сложный объект. Так, в психолингвистике говорят о «квантовании», о «квантах смысла» [Пронина, Кириченко 2011]; лингвистическое толкование термина «текст» пополняется за счёт представлений, характерных для социологии, психологии, литературоведения и т.д. К таким идеям, которые принесли плод в дисциплину-реципиента, выйдя за ограду дисциплины-донора, относится учение о доминанте.

Принцип доминанты, открытый в начале XX в. А.А. Ухтомским, приобретает особую актуальность в XXI веке в связи с изучением динамических аспектов самоорганизующихся систем, к каким относится и языковое сознание. Такие свойства доминанты, как 1) развитие во времени и пространстве (идея *хронотопа* А.А. Ухтомского, проработанная позже в учении М.М. Бахтина), 2) насыщенность эмоциональным переживанием, а также 3) фиксация в доминанте неразрывной взаимосвязи субъекта и объекта, – ставят этот принцип (по силе и всеохватности подобный, по словам Ухтомского, закону тяготения) во главу исследования по аксиологической психолингвистике.

Первая из указанных черт доминанты проявляется в деятельности языкового сознания как динамика ассоциативно-вербальной сети в «движении значений» при сохранении смыслового «зерна» исходной, отправной точки изменений.

Другая важная составляющая доминанты, эмоция, – это свидетельство ценностно-значимого уровня переживаний (см. современную концепцию о единстве сознания и эмоций [Александров, Александрова 2009]).

Доминанта является ответом нервного центра на определённые условия, вызвавшие когда-то возбуждение в нем [Ухтомский 2019], – это внешний фактор воздействия. Но в то же время, доминанта является яркой чертой определённой личности и следом субъективного переживания. Сочетание в ассоциациях открытости одновременно «внешнему» – объективным факторам, и «внутреннему» – субъективным мотивам индивида, формирует их как единицы мезоуровневого анализа⁴ [Кузьмина 2020]. Осуществление связи между «внешним» и «внутренним», присущее доминанте, относится и к оценке как деятельности по субъективной характеристике объективной реальности – той связи, которая представлена в ассоциативных полях оценочных доминант.

Оценочные средства изучаются лингвистикой как главные средства выражения отношения субъекта к объекту, однако, поскольку оценочная модальность любого высказывания включает человека как субъекта оценки, представляется трудным разграничить оценку и эмоцию как факторы субъективности [Стернин, Просовецкий 2018]. Оценка служит связью между ценностными ориентирами человека и тем аспектом реальности, который характеризуется с точки зрения этих ориентиров. Поэтому для целей нашего исследования удобнее представлять единицы анализа – оценочные ассоциативные доминанты – не как слова⁵, а как *связи*, вербализующие оценочные смыслы – результаты ассоциативного мышления. Сложность изучения оценки в психолингвистике связана, в частности, с различными источниками оценочной модальности. Оценочность можно рассматривать с разных точек зрения, так что в зависимости от того, каков источник данного вида оценки, она (оценка) становится предметом анализа микро-, макро- или мезоуровня.

Микроуровень: аксиологический уровень личности как источник оценочных смыслов. Ценности как факторы, регулирующие поведение индивида, являются основными мотивами оценки, но «динамический момент стремления и деятельности принадлежит самому субъекту, самому субстанциальному деятелю и никому больше» [Лосский 1931: 125]. Такой подход относит нас к аксиологическому уровню личности: мы не можем объяснить всё в языковом сознании человека, находясь лишь на уровне «психического» или же объясняя всё лишь воздействием социокультурной среды.

⁴ Мезоуровневый подход заимствован из экономики [Dopfer, et al 2004] и социологии [Кирдина 2015; Кирдина-Чэндлер 2019].

⁵ Ср. определение: «Оценочные ассоциативные доминанты языкового сознания – это оценочные слова, имеющие наибольшее число ассоциативных связей в ассоциативно-вербальной сети» [Чернышова 2019: 6].

Макроуровень: социокультурный уровень формирования оценочных смыслов. Психологи, также подчеркивая активное творческое начало в формировании субъективного опыта, отмечают и обратное воздействие – среды на человека, особенно в том, что касается оценки: «...независимой от общества оценки индивидом совершенных им действий не может быть, потому что эта оценка неизбежно производится с использованием социальных представлений и языка, одним из центральных назначений которых можно считать согласование индивидуальных и коллективных результатов» [Арутюнова, Александров 2019: 22]. Ю.Д. Апресян отмечает, что человек всякий раз интерпретирует отклонение от норм и правил – системы регуляторов общественной жизни, – производя «квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью... номенклатуры обобщённых ярлыков, т.е. подведение частного случая под общий случай особого рода» [Апресян 2006: 148]. Подобного взгляда придерживается и Ю.Н. Караулов, когда говорит о том, что ассоциативно-вербальная сеть показывает контексты, в которые погружены люди, выбирающие автоматически те смыслы, которые приняты в их окружении.

Мезоуровень: ассоциативные доминанты как «промежуточный» уровень формирования оценочных смыслов. «В языке как системе всегда имеются некие промежуточные категории и структуры, которые являются материалом для перестроения системы» [Колесов 2019: 105]. Нахождение и изучение этих структур представляет важную задачу современных наук о языке; психолингвистика, на наш взгляд, имеет дело именно с такими объектами – смысловыми структурами, а метод ассоциативно-вербальной сети позволяет изучать «кванты смысла» в их объективации. Внимание лингвистов к ассоциативному методу анализа смыслов обусловлено возможностями «погружения» в поток «движения значений», которые они дают.

С одной стороны, в отличие от множества современных тезаурусов и онтологий, ассоциативные базы данных обладают важным преимуществом: ассоциативные доминанты представляют собой «ядро языкового сознания», поскольку «вектороорганизатором смысловых акцентуаций является языковая личность с соответствующими смысловыми доминантами» [Шапошникова 2020: 48].

С другой стороны, ассоциативный анализ – это «микрометод», позволяющий делать «макровыводы». Ассоциативные доминанты выявляются на основе статистических закономерностей в результате многолетних ассоциативных экспериментов, запечатлённых в соответствующих словарях. «Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле

того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2017: 36].

Как неоднократно отмечалось, ядро языкового сознания обладает устойчивостью во времени. Можно говорить о двух сторонах этой устойчивости. С точки зрения социокультурной среды, даже при наличии социальных потрясений в сознании носителей языка существует «ядро», «ключевые концепты», «константы» и т.п., интеграция в которых происходит «по линии цели» [Жинкин 1982: 18], т.е. в основе самоорганизации – мотив целеполагания. Если же рассматривать самоорганизацию доминирующих смыслов «ядра сознания» через индивидуальное сознание, то оно представляет собой некоторую усреднённую величину, поскольку ассоциативно-вербальная сеть, представленная в ассоциативных словарях, – это один из способов организации русского языка, «соотносимый и сомасштабный с отдельным его носителем» [Караулов [http](#)]. В схеме порождения речи Леонтьева – Ахутиной вслед за мотивом как целеполаганием рече-мыслительного акта следует «преобразование мысленного образа прошедшего-настоящего в образ потребного будущего» [Ахутина 2014: 402], таким образом, постулируется идея хронотопа в возникновении мысленного образа.

Итак, совмещение образов прошлого – настоящего – будущего в одном значении свидетельствует об устойчивости смысловых образований, отражённых в ассоциативных доминантах. Ассоциирование представляет собой «стереотипную» реакцию (Ю.Н. Караулов), но ассоциация выражает частную ситуацию, обозначение которой «становится именем ситуации в целом» [Ахутина 2014: 403]. Благодаря этому языковое значение, привлечённое для фиксации мысли, становится «ситуативным значением, т.е. смыслом», иными словами – «носителем содержания, выходящего далеко за его пределы» [Ахутина 2014].

С трудностями описания «двуплановых» единиц сталкивается и современная экспериментальная психология. Зарубежные и отечественные психологи, привлекающие новейшие методы исследования головного мозга с целью определения нейронных коррелятов сознания, выделяют два уровня сознания: низкий («феноменальное сознание», квалиа) и высокий. Единицами взаимодействия между «высоким» и «низким» уровнями сознания считаются *отношения*, или *репрезентации*, которые «позволяют перейти от квалиа-сознания к проявлениям сознания более высокого уровня» [Акопов 2021: 24]. При этом «постулируется ассоциативная связь репрезентаций с системой

ценностей субъекта» [Акопов 2021], что косвенно подтверждает статус ассоциативных доминант как предмета мезоанализа (т.е. анализа мезоструктур – связей, «промежуточных» единиц). Действительно, репрезентация представляет собой «вид сознания и форму сознания, существенной стороной которых может выступать отношение» [Акопов 2021]. В термине *отношение*, таким образом, актуализируется «субстантивная характеристика сознания личности», а *репрезентация* предстаёт «процессуальной характеристикой сознания, органично связанной с явлениями внешней и внутренней коммуникации» [Акопов 2021: 24–25].

Анализируя оценочные ассоциативные доминанты с точки зрения актуальных для культуры концептов, мы обращаемся к концептологии, которая, по наблюдению В.В. Колесова, в отличие от других направлений когнитивистики, «выделяет историю среди ключевых понятий теории» [Колесов 2019: 35]. Вводя историческое измерение, концептология делает возможным рассмотрение концепта как «системы отношений в словесно выраженном *понятии* о реальном мире» [Колесов 2019: 36]. Такой подход сближает концептологию в интерпретации В.В. Колесова с изложенными выше принципами – законом доминанты и представлением о мезоуровне, что делает возможным совмещение указанных подходов в данном исследовании.

Общение как лингвоспецифичный концепт

«Общение по своей сложности и богатству проявления в бытии отдельных людей и их общностей оказывается предметом междисциплинарного исследования» [Бодалев 2009: 132]. Исследование концепта *общение*, как правило, затрагивает *коммуникацию* (в её различных предметных ипостасях), при этом при соотнесении этих двух понятий исследователи актуализируют разные стороны. С одной стороны, *общение* может выступать как частный случай более общей *коммуникативной категории*, тогда налицо родовидовая взаимосвязь понятий. С другой стороны, *коммуникация* и *общение* рассматриваются как синонимичные по содержанию объекты анализа. В исследованиях, в фокусе которых не универсальные коммуникативные «детали» процесса речевой деятельности, а специфичные смыслы русского концепта и выражающего его исконного слова, – *общение* и *коммуникация* в некотором смысле противопоставлены друг другу.

1. Общение как коммуникативная категория русского языкового сознания. «Коллективное сознание» носителя русского языка при выборе из двух вариантов – *общение* или *коммуникация* – отдаёт явное предпочтение исконному слову: по данным НКРЯ⁶, лексема *общение* имеет более 4500

⁶ Национальный корпус русского языка [<http://ruscorpora.ru>].

вхождений, тогда как *коммуникация* – всего лишь 251 вхождение, т.е. исконное слово употребляется более чем в 18 раз чаще, чем заимствованное. Этот факт свидетельствует о значимости для русского языкового сознания смыслов, мотивирующих выбор слова с русским корнем. Однако языку научной среды свойственно тяготение к международному термину *коммуникация* вместо русского слова *общение*.

Понятие *коммуникации* приобрело ключевое значение во многих гуманитарных исследованиях, посвящённых различным «образам» человека – будь то *homo sapiens*, *homo loquens*, *homo ludens*, *homo peregrinator* или даже просто *homo vivens*. В семиосоциопсихологии, например, коммуникация трактуется как «обмен текстуально организованной смысловой информацией... идеями, представлениями и эмоциями, установками и ценностными ориентациями, образцами поведения и деятельности» [Дридзе 1996: 148]. Деятельностный подход открывает возможность рассматривать коммуникативность как сущностную черту сознания, что позволяет говорить о «коммуникативном сознании».

И.А. Стернин описывает коммуникативное сознание как совокупность «ментальных коммуникативных категорий», которые определяют нормы и правила коммуникации [Стернин [http](#)]. Коммуникативные категории могут быть более или менее релевантными для русского национального сознания. Отмечается ряд «лакунарных» для русского этноса коммуникативных категорий: например, чужды русскому коммуникативному сознанию, но специфичны для англичан такие коммуникативные категории, как *small talk*, *privacy*, *tolerance* и т.д. «Эндемичны (т.е. присущи только одному языку) такие русские коммуникативные категории, как *общение*, *разговор по душам*, *выяснение отношений*» [Стернин [http](#)].

В нашем исследовании общение рассматривается как культурно- и лингвоспецифичный концепт – один из таких концептов, которые, по мнению С.Г. Воркачева, находятся «между» абстрактными «концептами-универсалиями духовной культуры» (*счастье*, *красота*, *свобода* и пр.) и «концептами-символами – окультуренными реалиями» (*берёза*, *матрёшка* и пр.). В большей степени, нежели прочие виды концептов, эти «мыслительные картинки» стоят ближе всего «к концептам – духовным сущностям и воплощают субъективность» [Воркачев 2019: 14]. К таким «духовным сущностям», специфично характеризующим русскую лингвокультуру, можно отнести концепт *общение*.

2. Общение vs. коммуникация. Несмотря на то, что часто слова (и термины) *коммуникация* и *общение* не разграничиваются во многих современных

исследованиях, их разведение принципиально важно при изучении языковой и культурной специфики. Специфичность слова *общение* для русской культуры уходит корнями в историю народа и языка и связана с представлением об общинности [Колесов 2014: 36–37], о совместной собственности рода как основе жизни: зародившись в глубокой древности, это «зерно» значения («концептум»⁷, по Колесову) актуально по сей день и его культурная специфичность проявляется также в других словах с тем же корнем (*общество*, *сообщество* и др.).

Слова *общество*, *общение* изучаются как специфичные для русской культуры не только в работах по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике и т.п. Так, в междисциплинарном лингво-социологическом сравнительном исследовании показано, что слово *общество* на протяжении веков испытывало многочисленные попытки внешнего воздействия с целью изменения (ср. внедряемое современное представление о *гражданском обществе*), но в итоге закрепилось как выражение такого понятия, которое представляет не созданную «снизу» структуру членов коллектива (наподобие социума в европейских языках от *socius* лат. ‘товарищ, союзник’), а объединённую общность ради того целого, которое больше и ценнее, чем отдельные члены этой общности: «В русском языке слово “общество” обладает собственной “самостью”, отделяющей его от состава образующих индивидов (личностей)» [Кирдина-Чэндлер, Круглова 2019: 18].

Обращаясь к исконному *общению*, а не к заимствованной *коммуникации*, мы стремимся избежать «терминологического этноцентризма» (К. Годдард), т.е. описанной выше ситуации, «когда слова одного языка/культуры, обычно английского, используются для описания глубинных культурных значений другого языка/культуры, что приводит к неизбежным искажениям значения» [Гладкова 2010: 26]. Между тем, *общение*, относящееся к ключевым идеям русского сознания, невозможно толковать без учёта «глубинных значений».

Анна А. Зализняк, говоря о лингвоспецифичности слов *общение* и *общаться*, отмечает две особенности, не позволяющие находить эквивалентные переводы на другие языки (ср. *англ. communication, to communicate, contact, to contact*): во-первых, эти слова «несут в себе идею очень неформального взаимодействия, “человеческого тепла”», а также удовольствия и радости; во-вторых, глагол *общаться* имеет конкретную референцию: «*общаться* по-русски значит приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’» [Зализняк Анна А. 2005:

⁷ Conceptum – лат. ‘утробный плод, зародыш’ [linguaeterna.com].

280–281]. А. Гладкова выделяет три группы «ключевых слов», одна из которых представлена характеристиками эмоций, жизненных установок и поведения (что *делать* и *думать хорошо, плохо; судьба, искренность* и т.д.) [Гладкова 2010: 258]. На наш взгляд, в этот ряд можно включить и *общение*.

Концептологический подход к общению

Современная концептология рассматривает концепт в режиме самоорганизации, синергетически – в динамике исторического становления концепта – идея причинности, развитие во времени-пространстве (ср. идею хронотопа А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина).

В.В. Колесов предлагает структурировать такой «синергийный» анализ при помощи каузального ряда Аристотеля, применение которого предполагает выделение *основания, условия, причины и цели* анализируемого явления. «Концептуальный анализ текста позволяет проникнуть в глубинные основания личной ментальности, сохраненные славянским словом» [Колесов 2017: 140]. Анализ производится с помощью «жесткого ряда причинности», который «связывает случайно подобранные примеры единством отношений, сосредоточенных на описываемом слове, которое выражает концепт сознания в единстве мысли и языка, т.е. *идеи и слова*» [Колесов 2017: 141]. Исследователь показывает работу метода на примере таких важных концептов русского сознания, как *подсознание* и *бессознательное* [Колесов 2017], а также *воля, власть, чёрный* и др. [Колесов 2019]. Далее мы попытаемся применить данный метод к описанию концепта *общение*, при этом «текстом» как источником материала анализа будут ассоциативные поля оценочных доминант *хорошо/плохо*, а структурирующим принципом – категории причинности.

Отметим следующие моменты, которые представляются нам значимыми в применении данного метода к нашему материалу – ассоциативным доминантам.

Во-первых, «случайно подобранными примерами», связанными единством отношений, о которых пишет В.В. Колесов, в случае работы с ассоциативными доминантами становятся ассоциативные связи между словами-стимулами и словом-реакцией (*хорошо/плохо*).

Следовательно, вторым важным принципом работы с данным методом является *представление об ассоциативных полях как о тексте*. При анализе текста внутренний смысл скрывается в потоке слов. Но в работе с данными ассоциативных экспериментов таким «текстом» (в расширительном значении) для нас будут ассоциативные поля оценочных доминант *хорошо/плохо*. Внутренний смысл, соответственно, заключается в самом принципе организации ассоциативного материала – в оценочности как смысловом

содержании ассоциативных связей. В.В. Колесов предлагает анализировать тексты «в перспективе ключевого слова, выражающего искомый концепт: идти в обратной перспективе от слова» [Колесов 2017: 141]. Подобным образом, *изоморфно*, мы используем своего рода «обратную перспективу» – исходим не из стимула, но из реакции (т.е. все данные приводятся по обратным словарям РАС и СИБАС).

В-третьих, важно организующее начало, согласно которому происходит структурирование ассоциативных пар. Такой распространённый при работе с ассоциативным материалом принцип, как выделение семантических зон, для оценочных ассоциаций не подходит. Это связано с особенностями оценочности как субъективной психологической категории и трудностями классификации способов её вербального выражения. Мы предполагаем, что концептологический метод может структурировать материал, в том числе и семантически. В исследовании В.В. Колесова [2017] примеры объединены *семантической константой (подсознание/бессознательное)*. Такой семантической константой в нашем исследовании выступает концепт *общение*: ассоциативные пары из полей оценочных ассоциативных доминант выбираются в соответствии с их способностью быть одной из сторон концепта *общения*.

Стороны концепта *общение* заданы каузальным рядом, структурирующим ассоциативные пары. В.В. Колесов исходит из положения о том, что «сама вещь в своей сущности порождает новое в общественном сознании» – новый концептум [Колесов 2019: 320]. Концептум, т.е. некоторый первосмысл, ядро концепта *общение*, сохраняется равным себе на протяжении существования русской культуры (хронотоп), тогда как его новые воплощения порождаются им же, как произрастающие из одного *зерна*. С этой точки зрения концепт представляет собой самоорганизующуюся мезоструктуру, которая сама является тем принципом, который её воспроизводит [Кузьмина 2020]. Причина, помысленная как цель и как результат произведённого действия, составляет «корень семантической константы» [Колесов 2019: 162, 208] и образует каузальный ряд, объединяющий разные стороны причинности. Эти стороны ряда можно также назвать категориями как такими формами мышления, которые позволяют обобщать опыт и осуществлять его классификацию [Колесов 2019: 211]. Таким образом, составляя каузальный ряд концепта *общение*, мы анализируем его проявления во времени-пространстве, т.е. в хронотопе, четырёх категорий: *что это?* (основание), *как проявляется?* (условие), *почему действует?* (причина) и *зачем нужно?* (цель).

Проявления этого концепта мы объединили одним корнем *-общ-*. Значение корня можно считать семантической константой, как и сам анализируемый

концепт *общение*, поскольку явления жизни, объединённые словами с этим корнем, выражают специфические черты русской культуры.

Итак, рассмотрим категории каузального ряда, выраженные словами с корнем *-общ-*.

1. Основание (что это?). В нашем случае это концепт – *общение*.

2. Условие (как проявляется?). Мы посчитали целесообразным назвать таким условием для *общения* – *общину*. «Собирательное слово *община* или *община* на протяжении всего древнерусского периода означало ‘общение’», т.е. *община* – круг «своих» (в противоположность «чужим»): корень слова тот же, что у предлога *об* ‘круг, вокруг, около’ [Колесов 2014: 36–37].

3. Причина (почему действует?). На образ *общины* опирается понятие *общий*. «*Общий* как ‘совместный’, если рассматривать его с разных точек зрения, окажется то “своим”, то “чужим”, отсюда и более позднее значение слова ‘чужой, посторонний, иной’, например, в польском: “общее” поляки поняли иначе, чем русские» [Колесов 2014: 37]. Следует отметить, что в древнерусских текстах *общий* значило не ‘принадлежащий одной семье’, а ‘то, что является *общим* владением согласно круговой поруке’ (Летопись 1177 г.), таким образом, у восточных славян общее – то, что принадлежит всем.

4. Цель (зачем нужно?). *Общность* как единение: целью *общения* является получение радости от «родства душ», единства; достижение общности – то, что делает *общение* ценностью. Значение «приобщение, союз» было главным в церковнославянском языке (см. «*общение* – приобщение, союз; *совершая человеческое существо... Духа общением, ‘восполняя сущность человека приобщением Духа’*» [Седакова 2005: 218]). *Общительным* человеком назывался «способный к соучастию, щедрый», т.е. подчёркивается внутренняя сторона – чувство единства, соучастия.

Концепт *общение* «читается» так⁸: *общение* в общине определяется *общим* (связями, интересами и т.п.), создавая *общность*.

Категории причинности концепта *общение* в ассоциативном поле оценочных доминант

«В состав каждого слоя ядра русского языкового сознания входят слова, объективирующие оценку. Оценочная зона (*хорошо* – *плохо*) наряду с зоной *человек* является наиболее представительной среди других зон ядра русского языкового сознания» [Чернышова 2019: 13]. Таким образом, русское языковое сознание характеризуется высокой (доминантной) степенью оценочности.

⁸ Приводимое здесь «чтение» концепта *общение* делается по образцам, взятым из книги [Колесов 2019] (см., например, «чтение» концепта *воля* [Колесов 2019: 164–165]).

Ю.Д. Апресян справедливо замечает: «Вопреки евангельской заповеди “Не судите, да не судимы будете”, человек в своей языковой деятельности постоянно занимается оценкой своих ближних, используя для этого готовую систему весьма общих этических, религиозных, юридических, логических и иных правил, норм, заповедей, в той или иной мере узаконенных в данном обществе» [Апресян 2006: 148].

Согласно описанному выше методу, мы произвели классификацию стимулов, вызвавших реакцию *хорошо* (Таблица №1) и *плохо* (Таблица №2) и относящихся к ситуации общения, по четырём категориям причинности (в интерпретации В.В. Колесова). Цифры, которые даны после стимулов, обозначают количество слов-стимулов, вызвавших реакцию *хорошо* и *плохо*. Мы учитывали только устойчивые ассоциативные связи (≥ 2), исключив из поля анализа единичные случаи.

Таблица №1

Распределение вербальных ассоциаций АП хорошо обратных словарей РАС и СИБАС по категориям причинности концепта общение

Категории причинности		РАС, 1990-е гг.	СИБАС, 2008-2013 гг.
ОБЩЕНИЕ (основание – что?)	ОБЩИНА Как проявляется? (условие)	<i>с тобой</i> 6, <i>о матерях</i> 5, <i>с другом</i> 5, <i>честно</i> 5, <i>друг</i> 4, <i>нам</i> 4, <i>о матери</i> 4, <i>о женищинах</i> 3, <i>о маме</i> 3, <i>о товарище</i> 3, <i>честность</i> 3, <i>вдвоем</i> 2, <i>вместе</i> 2, <i>гость</i> 2, <i>мирно</i> 2, <i>наедине</i> 2, <i>о женщине</i> 2, <i>о мамах</i> 2, <i>об отце</i> 2, <i>семья</i> 2	гостеприимство 15, честный 4, правда 3, беспечность 2, великодушный 2, вместе 2, друзья 2, искренний 2, тишина 2, одиночество 2, семья 2
	ОБЩИЙ Почему действует? (причина)	<i>отзываться</i> 12, <i>слышать</i> 5, <i>молчать</i> 2, <i>говорит</i> 2, <i>помолчать</i> 2, <i>трепло</i> 2,	<i>смеяться</i> 2, <i>жест</i> 2, <i>лаконичный</i> 2, <i>молчать</i> 2, <i>понятный</i> 2
	ОБЩНОСТЬ Зачем нужно? (цель)	<i>помогать</i> 3, <i>взаимопомощь</i> 2, <i>договориться</i> 2, <i>помощь</i> 2	<i>отдыхать</i> 11, <i>помогать</i> 4, <i>помочь</i> 4, <i>помощь</i> 3, <i>участие</i> 2

Данные в Таблице №1 читаются следующим образом:

1. РАС: Нам хорошо, когда общаемся *вместе с тобой*, *вдвоем с другом* или *в семье*; хорошо общаться *мирно и честно* – *о матерях* и *об отце*, *о женищинах* и *о товарище*. Хорошо общаться, потому что *ты слышишь* и *отзываешься*,

потому что *говоришь* (много – *трепло*) или *молчишь*. Хорошо общаться, чтобы *договориться* и *помочь* (друг другу).

1. СИБАС: *Гостеприимство* – это хорошее условие для общения *вместе* с *друзьями* или с *семьёй*. Когда собеседники *искренни*, *честны*, *великодушны* и *беспечны* – можно говорить *правду*. Но хорошо побыть и в *тишине* и *одиночестве*. Общаться хорошо, потому что можно *смеяться*, *быть лаконичным* и *понятным*, общаться *жестами* или *молчать*.

Таблица №2

Распределение вербальных ассоциаций АП плохо обратных словарей РАС и СИБАС по категориям причинности концепта общение

Категории причинности		РАС, 1990-е гг.	СИБАС, 2008-2013 гг.
ОБЩЕНИЕ (основание – что?)	ОБЩИНА <i>Как проявляется?</i> (условие)	<i>одиночество</i> 5, <i>бьяка</i> 4, <i>заносчивый</i> 2, <i>мразь</i> 2, <i>мудак</i> 2, <i>надменный</i> 2, <i>не верить</i> 2, <i>недруг</i> 2, <i>нечуткий</i> 2, <i>с ним</i> 2, <i>предатель</i> 2, <i>чванливый</i> 2	<i>эгоизм</i> 28, <i>одиночество</i> 17, <i>эгоист</i> 7
	ОБЩИЙ <i>Почему действует?</i> (причина)	<i>ложь</i> 20, <i>враньё</i> 11, <i>лгать</i> 6, <i>обман</i> 6, <i>обзывать</i> 5, <i>обозвать</i> 4, <i>врать</i> 3, <i>враки</i> 2, <i>мат</i> 3, <i>чертыхнуться</i> 3, <i>брань</i> 2, <i>брехня</i> 2, <i>доносить</i> 2, <i>обидеть</i> , <i>обманывать</i> 2, <i>орать</i> 2, <i>просить</i> 2, <i>ругань</i> 2	<i>враньё</i> 33, <i>ложь</i> 19, <i>обман</i> 17, <i>коварство</i> 15, <i>неправда</i> 5, <i>кричать</i> 2
	ОБЩНОСТЬ <i>Зачем нужно?</i> (цель)	<i>сплетни</i> 8, <i>кляуза</i> 4, <i>предательство</i> 3, <i>взаимозависимость</i> 2	<i>сплетни</i> 6, <i>непонимание</i> 5, <i>пересуды</i> 2

Данные в Таблице №2 читаются следующим образом:

1. РАС: *Плохо* общаться с ним – с *недругом* и *предателем*, *заносчивым*, *нечутким* и *надменным* *мудаком*, *мразью* и *бьякой*, которому невозможно *верить*, потому что он *лжёт*, *врёт* и *обманывает*, но и в *одиночестве* плохо. Общение складывается плохо по причине того, что *обзывают*, *чертыхаются*, *доносят*, *обижают* и *просят*, при этом *орут*, так что вместо общения – *враки*, *мат*, *брань*, *брехня* и *ругань*. Плохо, когда результатом общения становятся *сплетни*, *кляуза* и *предательство*, а также *взаимозависимость* – плохо.

1. СИБАС: Самое плохое условие общения – *эгоизм*: плохо общаться с *эгоистом*. Но и в *одиночестве* плохо. Плохо то общение, в котором нет ничего, кроме *вранья*, *лжи*, *обмана*, *неправды* и *коварства*. Плохо, когда *кричат*. Плохо

то общение, из-за которого происходит *непонимание*, а результат – *сплетни* и *пересуды*.

Доминантными ценностями общения, согласно данным обоих словарей, остаются искренние и честные мирные разговоры в семье и с друзьями, без ругани и вранья, при этом иногда хорошо и просто помолчать. Хорошо, когда достигается взаимопонимание с теми, кто готов тебе помочь; плохо, когда люди просто сплетничают.

Присутствие жаргонных слов, синонимов, как положительных, так и отрицательных характеристик в РАС свидетельствует о более эмоционально окрашенном представлении об *общении* в сознании людей конца XX в. Обращает внимание «проработанность» АП *хорошо* в той части, которая касается коммуникативных норм: о чём (о ком) следует говорить «хорошо» (*о матери, об отце, о женщинах, о товарищах*), как это и принято обычно в общинах.

Антиценностью общения в начале XXI в. является ненормативное экспрессивное внешнее проявление (*кричать – плохо*, см. Таблица №2, СИБАС), но в конце XX в. мы можем наблюдать более разветвлённую сеть ассоциаций на этот счёт: *брань, брехня, мат, орать, ругань, чертыхнуться*. Наличие *общего* как причина для общения представлена в РАС, таким образом, более развёрнуто: нам становится ясно, с кем у нас нет ничего *общего* (см. Таблица №2), а с кем *общего* достаточно для нормального общения (см. Таблица №1).

Ассоциаты *эгоизм, эгоист*, составляющие ядро АП *плохо* в СИБАС, отсутствуют в РАС. Стимул *эгоист* не встречается в РАС, а в качестве реакции входит в периферийную зону (из 34 стимулов, общего числа, вызвавших данную реакцию, – 25 единичных); *эгоизм* также не встречается в РАС в качестве стимула, а реакцией выступает лишь в 9 единичных случаях. Можно сказать, что вместо характерных для прежней эпохи «антигероев *общины*» (как условия *общения*), которые вызывают поток брани от испытуемых (что свидетельствует, несомненно, об устойчивой эмоциональной вовлечённости в процесс), современная нам языковая личность (молодёжь Сибири и Дальнего Востока) предпочитает более спокойные суждения об «антиценностях *общины*».

Следует отметить полное отсутствие намёка на необходимый для адекватного общения интеллектуальный уровень собеседника. Почему для *общения* это оказывается не важным? Нет ни одной ассоциации, которая показывала бы положительную оценку ума в общении. Т.В. Крылова указывает на такую отмеченную ещё А.А. Зализняком типично русскую черту, как менее значимый статус ума по сравнению с чувством, и так формулирует причины такого отношения к демонстрации интеллекта: 1) это считается нарушением принципа скромности, который занимает чрезвычайно важное место в наивном русском языковом сознании; 2) это считается стремлением достичь внешнего

эффекта; 3) это свидетельствует о высокомерном отношении к другим; 4) избыток интеллектуальной деятельности свидетельствует о недостаточной эмоциональности [Крылова 2017].

В заключение раздела можно отметить, что «чтение» концепта *общение* по категориям причинности не следует считать чем-то экзотическим для психолингвистики, поскольку каузальный ряд *общения* имеет корреляцию с известной моделью речевого жанра Т.В. Шмелевой [Шмелева 1997]. К признакам, образующим речевой жанр, относится, например, «коммуникативная цель» – это главный жанрообразующий признак и четвёртая категория каузального ряда («зачем нужно?»). «Образ автора» и «образ адресата» в модели речевого жанра соответствуют категории причины («почему действует?»), поскольку *общение* строится на взаимопонимании собеседников. «Диктумное (событийное) содержание» – не что иное, как условие *общения* («как проявляется?»). Динамика концепта *общение* представлена в модели Т.В. Шмелёвой как «образ прошлого и будущего» [Шмелева 1997] или факторы прошлого и будущего [Шмелева 1990], которые образуют хронотоп. Образы прошлого и будущего – важные эпизоды речевого жанра, в той же степени, что и два плана, образующих концепт *общение*.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует, на наш взгляд, оцелесообразности и перспективности диалога методологий как возможного пути развития аксиологической психолингвистики: одной стороны, ассоциативно-вербальной сети с выявленными путём массовых экспериментов доминантами русского языкового сознания и, с другой стороны, концептологического подхода с опорой на категории русской ментальности и «философский реализм» (В.В. Колесов). Объекты такого междисциплинарного анализа мыслятся как мезоструктуры – смысловые организующие структуры, осуществляющие связь между микро- и макроуровнями смыслопорождающей деятельности. Оценочные доминанты, идентифицируемые как мезоструктуры, – это наиболее разветвлённые ассоциативные связи между уровнями сознания, содержанием которых является отношение субъекта к объективной реальности. Ценностные смыслы «вылавливаются» при помощи концептов, близких к ценностно-значимым «духовным сущностям» (С.Г. Воркачев), которые рассматриваются синергетически – как самоорганизующиеся системы. Ценностные смыслы, структурирующие оценочное содержание концепта *общение*, «читаются» как «мыслительные картинки» (см. комментарии к таблицам). Таким образом, опираясь на ассоциативные данные, мы можем реконструировать ценностную смысловую структуру значимых концептов на основе междисциплинарной методологии.

Литература

Акопов Г.В. Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности её решения // Уч. зап. Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 1. С. 23–29.

Акопов Г.В., Шейнин И.Р., Савицкий В.М. Ассоциативные поля концептов «Созерцание», «Деяние» и «Общение» // Самарский научный вестник, 2014. № 4(9). С. 11–14.

Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2009. 320 с.

Апресян Ю.Д. Основания современной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–162.

Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 188 с.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Бодалев А.А. Общение как предмет междисциплинарного изучения // Психологический журнал, 2009. Т. 30. №2. С. 129–133.

Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 478 с.

Воркачев С.Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2019. 151 с.

Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010. 304 с.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. К типологии ассоциативных словарей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2008. №7. С. 118–122.

Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность, 1996. №3. С. 145–152.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

Зализняк Анна А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира, 2005. С. 280–288.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей. М., 2000. С. 191–206.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Послесловие //

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. С. 750–782.

Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.

Кирдина-Чэндлер С.Г. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 3. С. 7–20. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020

Кирдина-Чэндлер С.Г., Круглова М.С. «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа // Социологические исследования, 2019. №10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4

Колесов В.В. Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания: подсознание // Вопросы психолингвистики, 2017. №1(31). С. 140–162.

Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

Крылова Т.В. Горе от ума: оценка ума в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания, 2017. №4. С. 33–51.

Кузьмина М.А. Мезоанализ – междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования, 2020. № 8. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009297-9

Кузьмина М.А. Смысл как междисциплинарный объект // Вопросы философии, 2021. № 8. С. 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Paris, 1931. Режим доступа: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytye.pdf> (Дата обращения: 10.10.2021)

Лурия Р.А. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М.: Смысл, 2003. 430 с.

Пронина Е.Е., Кириченко А.С. Предлоги, концепты, кванты смысла. К вопросу о природе языкового значения. Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 115 с.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 428 с.

Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании // Лингвистический вестник. Вып. 4. Ижевск, 2002. С. 87–94. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm> (Дата обращения: 10.10.2021)

Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю. Эмоция и оценка в семантике слова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2018. № 4. С. 75–96. Режим доступа: www.tverlingua.ru (Дата обращения: 10.10.2021)

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео) психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 21–96.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб: Питер, 2019. 512 с.

Чернышова Е.Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход. Дисс... д-ра филол. наук. М., 2019. Режим доступа: http://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/wCWprYaKsj.pdf (Дата обращения: 10.10.2021)

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социокоммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 24–38. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.2.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянской культуры, 2020. 336 с.

Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. №2. С. 20–32.

Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–98.

Эйнштейн А. Эволюция физики: сборник. Изд. 2-е, испр. М.: Тайдекс Ко, 2005. 261 с.

Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 263–279. DOI: 10.1007/s00191-004-0193-0.

Источники

РАС – Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов и др. М., 1994-1998; М., 2002. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (Дата обращения: 10.10.2021)

СИБАС – Русский региональный ассоциативный словарь / сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. М., 2014. Режим доступа: <http://adictru.nsu.ru/dictback#> (Дата обращения: 10.10.2021)

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2021

Дата принятия к печати: 15.12.2021

Сведения об авторе:

Кузьмина Мария Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН

Контактная информация:

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-4606-1805

e-mail: mash_room@mail.ru

Для цитирования:

Кузьмина М.А. Мезоанализ концепта *Общение* и оценочных ассоциативных доминант // Вопросы психолингвистики №4(50) 2021, С. 136–161. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

UDC: 81'23, 81'27, 81'33

Research article

LBC: 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161

**MESOANALYSIS OF THE CONCEPT *COMMUNICATION*
AND OF THE EVALUATIVE ASSOCIATIVE DOMINANTS**

Maria A. Kuzmina

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article outlines the prospects for the development of the axiological psycholinguistics and a conceptual approach towards their interdisciplinary interaction. The association pairs “stimulus – reaction” verbalize dominant evaluative meanings which reveal the value content through the method of conceptual analysis synergetically consistent with the associative-verbal network method. This methodological interaction is shown through the example of associative fields *good/bad* and the concept *communication* (‘*obschenie*’ in Russian). The linguistic-specific concept *communication* is the principle of the organization of culture-specific value

meanings, the source of these value meanings being the associative connections of evaluative dominants. This interpretation of the concept opens up two sides of its semantic richness. On the one hand, it is a dynamic phenomenon; on the other hand, it provides the historical continuity of the «sense quanta». The value semantic structure reconstructed in this way is both the principle of organizing reality and, at the same time, the phenomenology of reality, which units are verbalized as associative pairs.

Keywords: axiological psycholinguistics, communication, conceptology, evaluative associative dominants, interdisciplinarity, meso-level

References

Akhutina, T.V. (2014) *Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury (in Russian).

Akopov, G.V., Scheinin, I.R., Savitsky, V.M. (2014) Assotsiativnye polya kontseptov «Sozertsanie», «Deyanie» i «Obshchenie» [The association fields of the concepts “contemplation”, “deed”, “communication”]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 4(9), 11–14 (in Russian).

Akopov, G.V. (2021) Nerechevye yazyki soznaniya: postanovka problemy i vozmozhnosti ee resheniya [Non-verbal languages of consciousness: statement of the problem and its solution]. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 1, 1, pp. 23–29 (in Russian).

Alexandrov, Y.I., Alexandrova, N.L. (2009) *Sub"ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya* [Subjective Experience, Culture, and Social Images]. Moscow, Izdatelstvo Instituta psikhologii RAN (in Russian).

Apresyan, YU.D. (2006) Osnovaniya sovremennoi leksikografii [The foundations of modern lexicography]. In: Apresyan, Yu.D. (Ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and system lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 33–162 (in Russian).

Arutyunova, K.R., Aleksandrov, Yu.I. (2019) *Moral' i sub"ektivnyi opyt* [Morality and subjective experience]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN» (in Russian).

Bodalev, A.A. (2009) Obshchenie kak predmet mezhdistsiplinarnogo izucheniya [Communication as a subject of interdisciplinary study]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2(30), 129–133 (in Russian).

Chernyshova, E.B. (2019) *Dinamika i variativnost' otsenki v russkom yazykovom soznanii: parametricheskii podkhod* [Dynamics and variability of evaluation in the Russian language consciousness: parametric approach]. Dissertation for the degree of doctor of philology. Moscow. Available from: http://vumo.mil.ru/upload/site57/document_file/wCWprYaKsj.pdf [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Dopfer, K., Foster, J., Potts, J. (2004) Micro-meso-macro. *Journal of Evolutionary Economics*. 4(14), 263–279. DOI: 10.1007/s00191-004-0193-0.

Dridze, T.M. (1996) Sotsial'naya kommunikatsiya kak tekstovaya deyatelnost' v semiosotsiopsikhologii [Social communication as textual activity in semiosociopsychology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3, 145–152 (in Russian).

Einstein, A. (2005) *Ehvolutsiya fiziki: sbornik* [The Evolution of Physics: Collector]. 2nd ed., revised. Moscow, Taideks Ko (in Russian).

Gladkova, A. (2010) *Russkaya kul'turnaya semantika: Ehmotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural Semantics: Emotions, Values, Life attitudes]. Moscow (in Russian).

Gol'din, V.E., Sdobnova, A.P. (2008) K tipologii assotsiativnykh slovari russkogo yazyka [On the typology of associative dictionaries of the Russian language]. *Journal of Psycholinguistics*. 7, 118–122 (in Russian).

Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow. Nauka (in Russian).

Karaulov, Yu. N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi tsepi [Indicators of national mentality in the associative-verbal chain] *Yazykovoie soznanie i obraz mira. Sbornik statei* [Linguistic consciousness and the image of the world. Collection of articles]. Moscow, 191–206 (in Russian).

Karaulov, Yu.N., Sorokin, YU.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A. (1994–1998) *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary. Associative Thesaurus of the Modern Russian Language]. Book 1–6. Moscow. IRYa RAN (in Russian).

Kirdina, S.G. (2015) Methodological Institutionalism and the Importance of Meso-level of Social Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 12: 51–59. (In Russian).

Kirdina-Chandler, S.G. (2019) Mechanism of Money Circulation as a Subject of Meso-economic Analysis. *Journal of Institutional Studies*. 3(11), 7–20. (In Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020.

Kirdina-Chandler, S.G., Kruglova, M.S. (2019) «Obshchestvo», «gosudarstvo» i institutsional'nye matritsy: opyt mezhdistsiplinarnogo mezoanaliza [“Society”, “state” and institutional matrixes: the case of interdisciplinary meso-analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10, 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4 (in Russian).

Kolesov, V.V. (2014) *Drevnerusskaya tsivilizatsiya: nasledie v slove* [Ancient Russian civilization: Heritage in the Word]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii publ. (in Russian).

Kolesov, V.V. (2017) Kontseptual'noe pole russkogo soznaniya: podsoznanie [Conceptual field of Russian consciousness: subconsciousness]. *Journal of Psycholinguistics*. 1(31), 140–162 (in Russian).

Kolesov V.V. (2019) *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of conceptology]. Saint Petersburg, Zlatoust (in Russian).

Krylova T.V. (2017) Gore ot uma: otsenka uma v russkoi yazykovoi kartine mira [Woe from wit: evaluation of the mind in the Russian linguistic picture of the world]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4, 33–51 (in Russian).

Kuzmina, M.A. (2020) Mezoanaliz – mezhdistsiplinarnaya metodologiya sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovaniy [Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 8, 27–36 (in Russian).

Kuzmina, M.A. (2021) Smysl kak mezhdistsiplinarnyi ob'ekt [The Meaning as a Subject of Interdisciplinary Studies]. *Voprosy Filosofii*, 8, 130–141. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-130-141

Losskii, N.O. (1931) *Tsennost' i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennosti* [Value and being. God and the Kingdom of God as the basis of values]. Paris Available from: <https://runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytie.pdf> [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Luria, R.A. (2003) *Psikhologicheskoe nasledie: Izbrannye trudy po obshchei psikhologii* [The Psychological Heritage: Selected Works on General Psychology]. Moscow, Smysl publ. (in Russian).

Pronina, E.E., Kirichenko, A.S. (2011) *Predlogi, kontsepty, kvanty smysla. K voprosu o prirode yazykovogo znacheniya* [Prepositions, concepts, quanta of meaning. To the question of the nature of linguistic meaning]. Lap Lambert Academic Publishing (in Russian).

Sedakova, O.A. (2005) *Tserkovnoslavyano-russkie paronimy. Materialy k slovaryu* [Church Slavonic-Russian paronyms. Materials for the dictionary]. Moscow, Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina (in Russian).

Shaposhnikova, I.V. (2019) *Dinamicheskie modeli v sotsiolingvistike i sotsiokommunikativnye ustanovki russkoi yazykovoi lichnosti v postsovetskii period* [Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-Communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period]. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 3(18), 24–38. (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.2.

Shaposhnikova, I.V. (2020) *Modusy identifikatsii russkoi yazykovoi lichnosti v ehpokhu peremen* [Modes of the Russian Language Personality Identification during Times of Change]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury (in Russian).

Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014) *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'* [Russian regional associative dictionary]. Moscow (in Russian).

Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi*. Saratov, 88–98 (in Russian).

Shmeleva, T.V. (1990) Rechevoi zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching]. *Russistik. Rusistika. Nauchnyi zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka. 2*. Berlin, 20–32 (in Russian).

Sternin, I.A. (2002) O natsional'nom kommunikativnom soznanii [About the national communicative consciousness]. *Lingvisticheskii vestnik. 4*. Izhevsk, 87–94. Available from: <http://philology.ru/linguistics1/sternin-02.htm> [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Sternin, I.A., Prosovetskii, D.YU. (2018) Ehmotsiya i otsenka v semantike slova [Emotion and evaluation in word semantics]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal. 4*, 75–96 Available from: www.tverlingua.ru [Accessed 10.10.2021] (in Russian).

Ufimtseva, N.V. (2011) *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language Consciousness: Dynamics and Variability], Institut Yazykoznaniya RAN, Moscow (in Russian).

Ufimtseva, N.V. (2017) Ehnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoi deyatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a Branch of the Theory of Speech Activity]. In: Bubnova, I.A., Zyкова, I.V., Krasnykh, V.V., Ufimtseva, N.V. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (Psycho)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens]. Moscow, Gnosis, 21–96 (in Russian).

Ukhtomsky A.A. (2019) *Dominanta* [The Dominant]. Saint Petersburg, Piter. (in Russian).

Vasil'kova, V.V. (1999) *Poryadok i khaos v razviti sotsial'nykh sistem: Sinergetika i teoriya sotsial'noi samoorganizatsii* [Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Lan'» (in Russian).

Vorkachev, S.G. (2019) *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokul'ture* [A country of one's own and another's: the idea of patriotism in linguoculture]. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).

Zaliznyak, Anna A. (2005) Zametki o slovakh: obshchenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, ehmotsii [Notes about words: communication, attitude, request, feelings, emotions]. In: Zaliznyak, Anna A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of

the world: Collection of articles]. Moscow, LRC Publishing House, 280–288 (in Russian).

Zhinkin, N.I. (1982) *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka (in Russian).

Dictionaries

RAS: Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimceva, N.V., Sorokin, Yu.A., Tarasov E.F. (2002) *Russkij associativnyj slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Moscow, AST-Astrel' publ. Available from: <http://thesaurus.ru/dict/> [Accessed 10.10.2021]

SIBAS: Shaposhnikova, I.V., Romanenko, A.A. (2014) *Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and the Far East)]. Moscow, Moskovskij institut lingvistiki. Available from: <http://adictru.nsu.ru/dictback#> [Accessed 10.10.2021]

© Kuzmina M.A., 2021

Article history:

Received: 18.10.2021

Accepted: 15.12.2021

Bionotes:

Maria A. Kuzmina – Cand. Sc. Philology, Associative Researcher of the Institute of Philology of the SB RAS

Contact information:

630090. Nikolaeva str. 8

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4606-1805>

e-mail: mash_room@mail.ru

For citation:

Kuzmina M.A. (2021) Mesoanalysis of the concept *Communication* and of the evaluative associative dominants. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp.136–161. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-136-161 (in Russian)